

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

IX

**История русского языка и культуры
Памяти Виктора Марковича Живова**

Главный редактор А. М. Молдован

МОСКВА
2016

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 9. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова.— М., 2016. 536 с.
ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

А. А. Пичхадзе, д. филол. наук (Москва, Россия);
Ю. В. Кагарлицкий, к. филол. наук (Москва, Россия).

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

©Авторы

СОДЕРЖАНИЕ

I

- Д. Г. Полонский.* Занятия В. М. Живова в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки: материалы к научной биографии 11
- Л. И. Сазонова.* Вклад В. М. Живова в изучение русской риторической традиции XVIII в. 23

II

- С. А. Иванов.* «Не согрешишь — не покаешься»: о парадоксах спасения души на Руси и в Византии. 36
- В. М. Лурье.* Логика иконопочитателей в период второго иконоборчества 42
- М. С. Флайер.* Образ Крещения Христа на Руси: традиция и инновация 59

III

- А. М. Молдован.* Восточнославянская лексика в переводе толкований Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова 70
- А. А. Пичхадзе.* Славянский перевод Эклоги 86
- Т. В. Пентковская.* Житие Василия Нового на фоне лингвистической группировки домонгольских переводов с греческого 98
- Т. И. Афанасьева.* Русские переводы конца XIV в. 109
- Р. Н. Кривко.* Орфография рукописи как свидетель текстологической преемственности 124
- А. А. Гиппиус.* Химитетъ Мстиславова евангелия и падение редуцированных 149
- Т. В. Рождественская.* Граффити в церкви Спаса на Нередице в Новгороде (материалы к Своду древнерусских надписей-граффити Новгорода Великого) . . 158
- С. М. Михеев.* Вълкоша и Николаосъ: о двух трудночитаемых надписях из Софии Новгородской. 171
- П. В. Петрухин.* Конструкция ‘быти с причастием настоящего времени’: древнерусский узус и библейская традиция. 179
- М. Н. Шевелева.* Восточнославянские имперфективы на -ыва-/-ива- и книжная традиция. 208
- А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский.* «...и в Киеве мя посадиль и отцемь мя назваль а я его сыном». Отцы и дети в династии Рюриковичей XII в. 224

IV

<i>Саймон Франклин</i> . Рост графосферы в публичном пространстве (ок. 1450–1850 гг.)	240
<i>Николетта Марчалис</i> . Странная парочка: Антонио Поссевино и архиепископ Давид Ростовский	255
<i>Роланд Марти</i> . Серболужицкий просветитель Михаил Френцель-старший и его письмо Петру I	261
<i>Helmut Keipert</i> . V. M. Živov und die „Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache“ von Johann Werner Paus	276
<i>Ю. В. Кагарлицкий</i> . Судьба Стефана Писарева и значение его переводческого наследия для развития русской духовной литературы XVIII в.	290
<i>А. Г. Кравецкий</i> . Комиссии по исправлению богослужбных книг и синодальные типографии.	313

V

<i>Виктория Фреде</i> . Верность, измена и предательство в дружеской среде: 1790-е гг.	323
<i>Марина А. Бобрик, Д. Я. Калугин</i> . «Бодрый наш народ»: Семантика бодрости в контексте русской национальной идеи	340
<i>Б. П. Маслов</i> . «Любя вселенныя покой»: замечания к исторической семантике состояния покоя.	358
<i>С. М. Толстая</i> . <i>Вера и правда</i> : к истории понятий	377

VI

<i>Алан Тимберлейк</i> . Разговоры с Виктором Марковичем и понятие диспозиции в языке	390
<i>Е. В. Падучева</i> . К аспектуальной характеристике глагола <i>быть</i>	400
<i>А. А. Зализняк</i> . Из русской морфонологии: <i>закалять</i> и <i>закаливать</i>	417
<i>Е. Э. Бабаева</i> . Об одном лексикографическом мифе: случай <i>coqueluche</i>	433
<i>Е. В. Рахилина, Л. О. Наний</i> . О системности в лексике: «прямые» и «кривые» семантические сдвиги.	448

VII

<i>А. А. Плетнева</i> . Лубочные источники пушкинской «Сказки о царе Салтане».	470
<i>Т. М. Николаева</i> . Об одном «балканизме» у Пушкина	484
<i>Ольга Матич</i> . Замечания о памяти и темпоральности у Достоевского	504
<i>М. И. Лекомцева</i> . Поэма Блока «Двенадцать»: семантика грамматики.	516

VIII

<i>Ю. Л. Слёзкин</i> . Особый путь и советская власть	525
Список иллюстраций, размещенных на компакт-диске	532

VII

А. А. Плетнева

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)*

ЛУБОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПУШКИНСКОЙ «СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ»

Статья посвящена проблеме русских источников пушкинской «Сказки о царе Салтане». В качестве одного из источников текста рассматривается лубочная «Сказка о трех королевнах, родных сестрах», которая вошла в печатный сборник сказок «Старая погудка на новый лад» под названием «Сказка о Катерине-Сатериме». Известно, что Пушкин знал лубок. Лубочные картинки упоминаются в ряде его текстов. Хорошо известны и случаи прямых сюжетных заимствований из лубочных текстов (неоконченная юношеская поэма «Бова», ряд сюжетных ходов «Руслана и Людмилы» и т. д.). Но в случае со «Сказкой о царе Салтане» речь идет не столько о сюжетном сходстве, сколько об использовании Пушкиным отдельных выражений и клише, восходящих к лубочной сказке, то есть о прямых заимствованиях. Анализу этих заимствований в статье уделяется значительное место. По всей видимости, лубочные сказки привлекали Пушкина, поскольку они лежали вне литературной нормы и представляли собой тот пласт русского языка, который был практически не освоен литературной традицией. Лубочная сказка оказывалась посредником между русским литературным языком и фольклорной стихией. При этом лубочная сказка, как и вся лубочная литература, считалась современниками низким видом словесности, и обращение к этим текстам могло восприниматься как литературный эпатаж. Именно с этим, по всей видимости, связано крайне отрицательное отношение Белинского к пушкинским сказкам.

Ключевые слова: пушкинистика, народная письменность, лубок, русская литература XIX века.

I

Вопрос об источниках сказочных и фантастических сюжетов русской классической литературы всегда был одним из наиболее дискуссионных. В зависимости от общего контекста, в котором тот или иной исследователь рассматривает

историю русской классической литературы, предпочтения отдавались или западноевропейским литературным источникам, или различным видам русских фольклорных источников. И пушкинская «Сказка о царе Салтане» не исключение. О связи этой сказки с русским фольклором писали довольно много. Большинство исследователей связывало ее с русской фольклорной традицией, причем основным источником, из которого Пушкин черпал сведения об устной традиции, считаются сказки, рассказанные ему Ариной Родионовной. Связь сказки с русским фольклором казалась настолько очевидной, что рассуждения о ней, как правило, ограничивались указанием на пушкинские записи фольклорных текстов, имеющих сюжетные параллели со сказкой, и декларациями о том, что свои познания в области русского фольклора Пушкин черпал из рассказов Арины Родионовны. Поэтому в работах, посвященных русским источникам «Сказки о царе Салтане», мы часто сталкиваемся не с доказательным изложением, а с декларациями, которые в ряде случаев могут иметь идеологический характер. Другая точка зрения, связывающая происхождение пушкинской сказки с европейским фольклором, адаптированным различными литературными источниками, в силу своей неочевидности аргументирована куда лучше. Достаточно вспомнить хотя бы имена В. В. Сиповского [Сиповский 1906: 82] и М. К. Азадовского [Азадовский 1936: 150–156]¹.

В том, что «Сказка о царе Салтане» опирается на русские сказки, трудно усомниться. Существуют пушкинские записи сказок, которые относятся к 1824 г. и сделаны в Михайловском. Среди этих записей имеется текст [Пушкин 1977–1979, III: 407–408], сюжет которого очень близок к сюжету, легшему в 1831 г. в основу «Сказки о царе Салтане». Мы говорим о близости сюжетов, но не об их тождестве, поскольку между ними наблюдается довольно много различий. К записи 1824 г. примыкает запись 1822 г. в кишиневской тетради [Азадовский 1936: 150], и еще одна запись — в тетради 1828 г. [Пушкин 1994–1997, III-2: 1076–1077]. В общих чертах записи 1822 и 1828 гг. являются вариантами одного и того же сюжета, но их отличия от «Сказки о царе Салтане» заметны куда сильнее.

В 1936 г. вышла классическая статья М. К. Азадовского «Источники сказок Пушкина», в которой он анализирует все три пушкинские записи. Азадовский полагал, что запись 1824 г. действительно восходит к фольклорным источникам. Хотя, по его мнению, у Пушкина было не так уж много возможностей услышать фольклорные тексты непосредственно от носителей народной культуры. Кроме

¹ Спор об источниках пушкинских текстов и о масштабах влияния на них европейской литературной традиции подогревался сменой идеологических установок. Идеологические клише эпохи отражались в исследованиях, посвященных сказкам Пушкина, и являются показательной характеристикой времени. Вот, например, как В. Я. Евсеев оценивает позицию сторонников европейских источников пушкинских сказок: «Следует признать справедливой критику космополитической концепции, пытающейся снизить значение Арины Родионовны для творчества А. С. Пушкина и переоценить влияние сборников братьев Гримм и произведений американского писателя Вашингтона Ирвинга. Низкопоклонство перед западом заставило литературоведа В. Сиповского утверждать, что гриммовская сказка “О рыбаке и рыбке” не только параллель, но и непосредственный источник пушкинской сказки о рыбаке и рыбке» [Евсеев 1949: 75].

Арины Родионовны он мог слышать народные сказки лишь в исполнении случайно встреченных на ярмарочных площадях певцов и сказителей [Азадовский 1936: 134]. Пушкинская «Сказка о царе Салтане», несомненно, связана с записью 1824 г. Доказательством тому служит не только сюжетная и композиционная близость, но и связь текстов на уровне слов:

[Пушкин 1977–1979, IV: 314, 315]	[Пушкин 1977–1979, III: 407]
А царица молодая, Дела вдаль не отлагая, С первой ночи понесла.	Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла.
Родила царица в ночь Не то сына, не то дочь; Не мышонка, не лягушку, А неведому зверюшку.	Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой.

Записи 1822 и 1828 гг., по мнению Азадовского, являются пушкинской обработкой литературных переводных источников. Среди западноевропейских параллелей, которые могли быть известны Пушкину, Азадовский называет новеллу, входящую в сборник Джованни Франческо Страпаролы «Приятные ночи» (1550–1553). Пушкин мог познакомиться с этим текстом не в оригинале, а в пересказе, вошедшем в сборник волшебных сказок мадам д’Онуа (1697–1698) под названием «Принцесса-звезда» («La princesse Belle-Etoile»). Другим источником мог стать французский перевод восточных сказок «Тысяча и одна ночь», где есть сюжет, аналогичный сюжету «Сказки о царе Салтане». Этот перевод был осуществлен французским востоковедом Галланом (им же на французский был переведен и Коран). В арабской и персидской традициях интересующий нас сюжет об оклеветанной жене параллелей не имеет и, по всей видимости, является стилизацией Галлана, сделанной на основе европейского сказочного фольклора. Сборник мадам д’Онуа и перевод Галлана были известны Пушкину. Азадовский полагает, что прозаическая запись сюжета, относящаяся к 1828 г., является именно переводом Галлана [Азадовский 1936: 152–154].

Еще менее очевидными оказываются источники сюжета о Царевне-лебеди. Если в русском сказочном фольклоре параллели к этому сюжету не обнаруживаются, то в европейских сказках (например, в сказках братьев Гримм) этот образ возникает достаточно часто. С другой стороны, девушка-лебедь появляется и в былине о Потоке/Потуке, которая зафиксирована в сборнике Кирши Данилова. Известно, что этот сборник в издании 1818 г. был в библиотеке поэта [Кирша Данилов 1977: 366].

И увидел белую лебедушку,
Она через перо была вся золота,
А головушка у ней увита красным золотом
И скатным жемчугом усажена.
.....
А и чуть было спустить калену стрелу —

Провещится ему Лебедь белая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«А и ты, Поток Михайла Иванович!
Не стреляй ты мене, лебедь белую,
Нé в кое время пригожуся тебе».
Выходила она на крутой бережок,
Обернулася душой красной девицей. [Кирша Данилов 1977: 117]

Влиянием текстов из сборника Кирши Данилова Азадовский объясняет и появление в пушкинской сказке имени Бабариха. Его источник — песня «[Про] дурня»:

Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья
Сестра Чернава! [Кирша Данилов 1977: 203]

Кроме того, Азадовский обращает внимание и на то, что многие черты западноевропейской авантюрной повести и литературной сказки были заимствованы не прямо из европейских источников, а посредством лубочной повести. При этом он не указывает на какую-либо конкретику, а лишь сравнивает полное заглавие пушкинской сказки с заглавием наиболее известной лубочной сказки о Бове, находя в такой форме заглавия стилистическое сходство [Азадовский 1936: 156]:

Сказка о царе-Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	Сказка полная о славном, сильном, храбром и непобедимом витязе Бове-королевиче и о прекраснейшей супруге его, королевне Дружневне
--	---

II

Все вышесказанное предполагает, что в поисках источников пушкинской сказки разумным будет обратиться к лубочным текстам, которые могли адаптировать как русские фольклорные, так и западноевропейские литературные источники. Следует отметить, что сама тема «Пушкин и лубок» не является чем-то принципиально новым, многие факты, имеющие к ней отношение, достаточно известны. Пушкин был хорошо знаком с жанром лубочных картинок. В некоторых его произведениях лубочные картинки служат важной деталью, проясняющей авторский замысел. В повести «Станционный смотритель» на стенах дома Самсона Вырина висят гравюры на тему евангельской притчи о блудном сыне: «Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шляфорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека:

он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафорке выбегает к нему на встречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи» [Пушкин 1977–1979, VI: 90]². В «Капитанской дочке» у капитана Миронова «в углу стоял шкаф с посудой, на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке, около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова³, также выбор невесты⁴ и погребение кота»⁵ [Пушкин 1977–1979, VI: 275].

Хорошо известны и случаи прямого использования Пушкиным лубочных текстов. Это, конечно же, неоконченная лицейская поэма «Бова» [Пушкин 1977–1979, I: 56–63], а также прозаические записи сюжета «Бовы» и наброски начала поэмы [Пушкин 1977–1979, IV: 291–293]. Лубочная сказка о Бове дала имена таким героям пушкинских сказок, как царь Салтан (в лубочной сказке он Салтан Салтанович), Гвидон, Дадон (персонаж «Сказки о золотом петушке»). Совершенно очевидно, что имя главного героя поэмы «Руслан и Людмила» восходит к имени героя лубочной сказки о Еруслане Лазаревиче. Из этой же сказки заимствован эпизод с говорящей богатырской головой: «И поехал царь во град, а Еруслан остался и подъехал к богатырской голове и говорил таково слово: “Государыня богатырская голова надеюсь на твою милость и приятельскую любовь, что можешь ты из-под себя освободить меч свой, потому что перед царем сам похвалился, а ежели не достану меча, то царь меня злой смерти предаст, когда ему меч не принесу”. И богатырская голова ничего не отвечает. И Еруслан слез со своего доброго коня, и пал на сыру землю, и говорит со слезами таково слово: “Государь Расланей богатырь, не дай напрасною смертью умереть, освободи из-под себя меч!” И потом Расланей богатырь содвинулся с меча, и Еруслан взял меч, поклонился богатырской голове и сел на своего доброго коня, поехал в Щитин-град, и подумавши несколько, говоря сам себе: “Доселева я царей утравивал и богатырей побивал, а теперь богатырской голове кланяюсь”» [Ровинский I: 62–63]. Пример с богатырской головой является

² Очевидно, что здесь речь идет не о русском лубке, а о его предтече: стены дома Самсона Вырина были украшены гравюрами европейского происхождения, которые сопровождались стихами на немецком языке. Созданные в России народные картинки нередко воспроизводили европейскую гравюру, однако подпись под картинкой была на русском или церковнославянском языке (в ряде случаев это был некий гибридный вариант языка), причем часто это был не перевод с немецкого, французского или другого языка, а оригинальный текст [Плетнева 2013: 47–51].

³ В издании Ровинского №355 «Взятие Очакова и солдатская песня на этот случай» [Ровинский II: 129–133].

⁴ В издании Ровинского №138 «Разговор жениха со свахою» [Ровинский I: 361], №139 и 140 «Рассуждение о женитьбе» [Ровинский I: 361–365].

⁵ В издании Ровинского №№166–170 с общим для всех картинок названием «Мыши кота погрбают» [Ровинский I: 391–401].

самым бесспорным пушкинским заимствованием из лубочной литературы. Дело в том, что в русском фольклоре образ богатырской головы отсутствует. Некоторые исследователи полагают, что в лубочную повесть голова перекочевала из ногайского фольклора [Капица 2012: 60]. Таким образом, лубочная литература (в широком значении этот термин включает в себя как гравированные издания, так и народные книги) оказывается единственно возможным источником, откуда Пушкин мог заимствовать этот образ.

Известны и случаи обратного влияния. Еще при жизни Пушкина ряд его произведений воспроизводился лубочными издателями. В 1832 г. выходит лубочная версия раннего его стихотворения «Романс»⁶ (всего известно 29 композиций на тему «Романса», а общее число переизданий составляет 73). В 1833 г. в формате народной картинке издается «Талисман» (последующие издания 1835, 1851, 1903 гг.). Лубочный «Гусар» появился в двух связанных между собой картинках в 1849 г. (последующие издания 1890, 1896, 1900 гг.). «Черная шаль» известна в двух гравированных изданиях 1839 г. и 80–90-х гг. XIX в. «Песнь о вещем Олеге» вышла вначале в прозаическом пересказе (1861 г.), а в 1901 г. появился стихотворный текст. Первое издание «Воеводы» появилось в 1858 г. (позднейшие переиздания в 1866, 1875, 1899 гг.). Поэма «Кавказский пленник» выходила сериями по три-четыре картинке (первое издание 1837 г.). В качестве текста к лубочной картинке появлялись также отдельные строфы из «Полтавы», «Братьев-разбойников». Отрывки из «Евгения Онегина» по 2–6 строк приводились в качестве текста при женских головках [Клепиков 1949: 9]. В качестве подписи при изображении Петербурга в лубке взято несколько строк из «Медного всадника». Из сказок известны лубочные обработки «Сказки о попе и его работнике Балде» и «Сказки о золотой рыбке». Прозаические произведения Пушкина (кроме небольшого отрывка из «Барышни-крестьянки» и иллюстраций к «Дубровскому» и «Капитанской дочке») лубку не известны [Клепиков 1949: 11].

Рассматривая лубочные параллели к пушкинским текстам, мы сталкиваемся с проблемой определения объема самого понятия «лубочный текст». В работах, посвященных лубкам, сосуществуют два подхода к объему анализируемого материала. С одной стороны, у нас есть формальное определение лубка как цельногравированного текста. С другой — существует более широкий термин «лубочная литература», используемый по отношению к массовым изданиям для народа, которым противостояла «высокая» литература. В искусствоведческих работах, где внимание сосредоточено прежде всего на изобразительной стороне, материал исследования, естественно, ограничивается цельногравированными изданиями [Хромов 1998: 67–72]. Так же приходится поступать и исследователю языка лубочных текстов, ведь лубочные листы, не проходившие цензуру, отличались особой орфографией, которая обнаруживает больше сходства с рукописной традицией XVII–XVIII в., чем с орфографией печатных книг [Плетнева 2013: 18–19]. При решении

⁶ Название произведения было изменено в духе лубочной поэтики, пушкинский текст в лубочной картинке имел заголовок «Следствие порочной любви».

не лингвистических и искусствоведческих, а литературоведческих и источниковедческих задач естественным будет обращение к лубочной литературе в широком значении этого слова. Ведь здесь нас интересуют не орфографические особенности и не технические приемы гравера, а история определенного текста и круг его читателей [Гриц и др. 2001: 15–29; Корепова 2012: 12–16].

Таким образом, поставленная в нашем случае задача, а именно установление связи пушкинского текста с текстами лубочных сказок, предполагает выход за пределы собственно лубка как цельногравированного издания и обращение к народным книгам, т. е. к лубочным сказкам, опубликованным в конце XVIII — начале XIX в. Тот текст, который, на мой взгляд, был известен Пушкину и отдельные фразы которого вплелись в текст «Сказки о царе Салтане», существует и в варианте изданного типографски сборника сказок (лубочная литература в широком смысле), и в виде гравированных листов (собственно лубка). Речь идет о «Сказке о Катерине-Сатериме», которая впервые в России была опубликована в 1795 г. в сборнике «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» [Старая погудка 1795: 27–32]. В цельногравированном варианте она носит название «Сказка о трех королевнах, родных сестрах». Она была опубликована Д. А. Ровинским в пятитомном издании «Русских народных картинок» в первом томе под номером 46. О происхождении этого текста достоверных сведений нет, и мы не можем с уверенностью сказать, является ли он переводным, или же перед нами литературный вариант устной восточнославянской сказки. Ровинский возводил ее к французскому источнику [Ровинский IV: 164]. Однако ряд исследователей указывает на то, что этот сюжет хорошо представлен у восточнославянских народов и имеет около 100 опубликованных вариантов и, соответственно, именно устный вариант мог лечь в основу лубочной сказки [Зуева 1976: 58].

В какой именно версии — книжной или гравированной — лубочная сказка была известна Пушкину, точно установить невозможно. Известно, что вторая часть сборника «Старая погудка на новый лад» была в библиотеке Пушкина [Азадовский 1936: 149]. Однако у нас нет информации о знакомстве Пушкина с первой частью сборника, где, собственно, и была напечатана «Сказка о Катерине-Сатериме». Возможно, что он знал и первую часть этой книги. С другой стороны, исключить знакомство поэта с гравированными листами, содержащими текст сказки, нельзя.

Когда речь идет об источниках литературного текста, исследователи в первую очередь обращаются к сюжетному сходству. На уровне сюжета и запись сказки 1824 г., и лубочная сказка во многом отличаются от сюжета «Сказки о царе Салтане». Так, например, в первом случае «царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колению серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволочке месяц» (запись 1824 г.), во втором — царица родила двух сыновей «по локоть руки в золоте, по колению ноги в серебре и на всяком волосе по жемчужине» (лубочная сказка). У Пушкина, как известно, царица родила одного сына, который не был украшен от рождения золотом и жемчугами. Кроме того, лубочная сказка параллельна только начальной части «Сказки о царе Салтане»: всей

истории с корабельщиками в ней нет. Однако сюжетное отличие не означает, что лубочный текст следует вычеркнуть из списка предполагаемых источников.

Для поэтического произведения говорить о непосредственном влиянии одного текста на другой имеет смысл, когда есть сходство на словесном уровне, т. е. когда мы видим схожие метафоры и сравнения, схожую синтаксическую структуру фразы, схожую фонетическую организацию предложения. И запись 1824 г., и лубочная сказка имеют параллели с пушкинской сказкой именно на уровне слова. Параллели из записи 1824 г. были названы выше («с первой ночи понесла» и «не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку»). Теперь же рассмотрим фрагменты пушкинского текста «Сказки о царе Салтане» параллельно с близкими им фрагментами лубочной сказки. Поскольку книжный и гравированный тексты обнаруживают значительное сходство, а выбор источника затруднителен (решить, с чем был знаком Пушкин — с книгой или с гравированными листами, мы не можем), в качестве параллелей будем приводить текст гравированных листов в несколько упрощенной орфографии.

Среди ряда фрагментов «Сказки о царе Салтане», которые могут быть соотнесены со «Сказкой о трех королевнах, родных сестрах» (о Катерине-Сатериме), наиболее яркими являются следующие три. Во-первых, это эпизод заключения царицы с сыном в бочку⁷.

[Пушкин 1977–1979, IV: 315]	[Ровинский I: 181] ⁸	Запись 1824 г. [Пушкин 1977–1979, III: 407]
И царицу в тот же час В бочку с сыном посадили, Засмолили, покатали И пустили в Окиян — Так велел-де царь Салтан.	Король... послал к верховному своему министр[у] повеление, чтобы он до его приезда жену его и з двумя рожденными сынами посадил в бочку, засмолил и пустил их по морю.	Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море.

Очевидно, что ряд глаголов лубочной сказки — «посадил, засмолил, пустил» и глагольный ряд у Пушкина — «посадили, засмолили, покатали и пустили» — это не случайное совпадение двух текстов, а свидетельство того, что Пушкин читал лубочную сказку и помнил ее текст. В то же время отрывок из записей 1824 г. не имеет совпадений с текстом «Сказки о царе Салтане» на уровне слов. Отмечая подобные совпадения лубочного текста и пушкинской сказки, можно допустить, что общим источником у них мог оказаться некий фольклорный текст. Поскольку исключить такую вероятность нельзя, полезной оказывается статья Р.М. Волкова, который проделал скрупулезную работу по сличению пушкинской сказки

⁷ Здесь и далее запись 1824 г. приводится для того, чтобы показать, какой из источников ближе к тексту пушкинских сказок.

⁸ Один из лубочных листов представлен на иллюстрации к настоящей статье (см. компакт-диск).

с народными версиями сказочных сюжетов и, шире, с различными выражениями, представленными в фольклорных текстах [Волков 1960: 77–132], но не обнаружил никаких фольклорных параллелей к интересующему нас фрагменту сказки.

Второй фрагмент, имеющий параллель в лубочной сказке, — это две пушкинские строки о растущем в бочке царевиче. При этом в записи 1824 г. ничего не говорится о том, как рос посаженный в бочку ребенок («Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке — наконец море выкинуло их на землю» [Пушкин 1977–1979, III: 407]).

[Пушкин 1977–1979, IV: 316]	[Ровинский I: 181]
И растет ребенок там Не по дням, а по часам.	Между тем плавали они в бочке долгое время, и королевичи росли не по годам, а по часам.

Мы видим, что в пушкинском варианте выражение «расти не по годам, а по часам» заменяется на «расти не по дням, а по часам». В отличие от предыдущего случая, это совпадение не является однозначным свидетельством того, что источником этого выражения была именно «Сказка о трех королевнах» (о Катерине-Сатериме). Устойчивые словосочетания «расти не по часам, а по минутам», «расти не по дням, а по часам» встречаются и в устных версиях сюжета об оклеветанной жене [Волков 1960: 96–97]⁹.

Наконец, следует остановиться на эпизоде, когда бочка, в которой плыли царица и царевич, достигла суши и ребенок, выбив дно бочки, выбирается наружу. Этот сюжет присутствует и в лубочном тексте, и в записи 1824 г., однако для лубочной версии дело не ограничивается сюжетным сходством.

[Пушкин 1977–1979, IV: 316]	[Ровинский I: 181]	Запись 1824 г. [Пушкин 1977–1979, III: 407]
Сын на ножки поднялся, В дно головкой уперся, Понатужился немножко: «Как бы здесь на двор окошко Нам проделать?» — молвил он, Вышиб дно и вышел вон.	И королевичи, упершись в дно, вышибли оно, потом вышел все на остров, построили себе отменной терем.	«Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет». — Господь благослови тебя, дитятка. — Обручи лопнули, они вышли на остров.

В примере из лубка мы видим не просто словесное сходство, но и сходство фонетическое. У Пушкина — «вышиб дно и вышел вон», в лубке — «упершись в дно, вышибли оно потом вышел...». Очевидно, что подобные совпадения текстов не могут быть случайными, и мы имеем все основания говорить о непосредственном влиянии лубочной сказки на «Сказку о царе Салтане». Примеров из фольклорных текстов, поддерживающих этот словесный ряд, по-видимому, нет.

⁹ Волков приводит варианты из следующих сказок: «А сын Марфы-царевны рос не по дням, а по часам» (Афанасьев № 159 в); «у королевы сын не по часам, а по минутам растет» (Афанасьев № 159 d); «и рос этот подкидыш не по дням, а по часам» (Афанасьев № 159 а).

Приведем еще примеры, когда пушкинский текст соотносится с лубочной сказкой и, очевидно, не связан с записью 1824 г. Так, в лубочной сказке встречается слово «сестрица», отсутствующее в записи 1824 г. Конечно же, само по себе отсутствие этого употребительного слова (ср. [Волков 1960: 89]) ни о чем не говорит. Однако в общем ряду свидетельств, подтверждающих бóльшую близость «Сказки о царе Салтане» к лубочному тексту, чем к тексту записи 1824 г., упомянуть об этом нелишне.

[Пушкин 1977–1979, IV: 313, 314]	[Ровинский I: 179, 180]
Третья молвила сестрица... Вы ж, голубушки-сестрицы, Выбирайтесь из светлицы...	Послушайте, сестрицы... Нет, сестрица... Вы, сестрицы, глупы...

Параллель с лубочной сказкой имеет и эпизод, когда царь плачет от радости (в записи 1824 г. о слезах не говорится).

[Пушкин 1977–1979, IV: 336]	[Ровинский I: 182]
Царь глядит — и узнает... В нем разыграло ретивое! «Что я вижу? Что такое? Как!» — и дух в нем занялся... Царь слезами залился...	Король, увидя свою супругу, прослезился.

Слезы, текущие от потрясения и радости, на мой взгляд, указывают на литературную, а не фольклорную традицию. В фольклорных текстах герои плачут от горя и потери, а не от счастья.

Отголоски рассматриваемой нами лубочной сказки обнаруживаются и в пушкинской «Сказке о мертвой царевне».

[Пушкин 1977–1979, IV: 349]	[Ровинский I: 181]
Перед утренней зарею Братья дружною толпою Выезжают погулять, Серых уток пострелять...	По прошествии некоторого времени вздумалось королю погулять по взморью, и, приехав на остров для стрельяния неких птиц заморских, остановился и пришел в некоторое удивление, увидя на оном острове похаживающих двух молодцов.

Весьма вероятно, что рифма «погулять — пострелять» появилась под влиянием «Сказки о трех королевнах» (о Катерине-Сатериме). Фольклорных параллелей к этому выражению Р. М. Волкову обнаружить не удалось [Волков 1960: 173].

III

Кроме «Сказки о трех королевнах» (о Катерине-Сатериме) в «Сказке о царе Салтане» можно отметить следы влияния лубочной сказки о Бове-королевиче. Не ставя вопроса о том, какой именно текст сказки о Бове мог быть под рукой у Пушкина, мы воспользуемся публикацией Ровинского.

[Пушкин 1977–1979, IV: 324]	[Ровинский I: 90]
<p>Царь Салтан гостей сажает За свой стол и вопрошает: «Ой вы, гости-господа, Долго ль ездили? куда? Ладно ль за морем иль худо? И какое в свете чудо?» Корабельщики в ответ: «Мы объехали весь свет...»</p>	<p>Король Занзевей Андронович сказал на то: «Господа гости корабельщики, вместо его торгуйте в моем государстве... беспеш- линно».</p>

Обращение к купцам «гости-господа» и именование их «корабельщиками» соотносится с «господа гости корабельщики» из сказки о Бове.

Более сложной кажется ситуация с употреблением глагола «бежать» по отношению к плывущему по морю кораблю. Связь этого фрагмента со сказкой о Бове менее очевидна, поскольку использование глагола «бежать» по отношению к кораблю неоднократно встречается и в фольклорных текстах, в частности в сборнике Кирши Данилова.

[Пушкин 1977–1979, IV: 318]	[Ровинский I: 92]	[Кирша Данилов 1977]
<p>Он бежит себе в волнах На поднятых парусах</p>	<p>Они подняли парус и побежали по морю.</p>	<p>Прибежали карабли под славной Киев-град [10] Как по морю, морю по синему Бегут-побегут тридцать кораблей... [178] А все карабли, как соколы, летят, А един карабль по морю бежит, как бел кречет... [180] По славной матушке Волх-реке Бегут-побегут тридцать кораблей... [182]</p>

С лубочной сказкой о Бове перекликается и текст беседы князя Гвидона с купцами.

[Пушкин 1977–1979, IV: 323]	[Ровинский I: 89]
<p>Пристают к заставе гости; Князь Гвидон зовет их в гости, Их и кормит и поит И ответ держать велит: «Чем вы, гости, торг ведете И куда теперь плывете?»</p>	<p>Король Занзевей Андронович послал велмож своих и приказал спрашивать [у купцов. — А. П.], которого они государства гости и с какими товарами.</p>

Параллели со сказкой о Бове обнаруживаются и в «Сказке о мертвой царевне». Здесь есть служанка, которая относит отравленный предмет герою. Имя сенной девушки Чернавка, видимо, восходит к девке-чернавке из сказки о Бове. В обеих сказках фигурируют псы, проглатывающие отравленный предмет.

[Пушкин 1977–1979, IV: 346, 353]	[Ровинский I: 88]
<p>Черной зависти полна, Бросив зеркальце под лавку, Позвала к себе Чернавку И наказывает ей, Сенной девушке своей...</p> <p>Пес на яблоко стремглав С лаем кинулся, озлился, Проглотил его, свалился И издох. Напоено Было ядом, знать, оно.</p>	<p>Прекрасная королевна Милитриса Кирбитовна, вшед в королевския палаты, начала месить два хлебца своими руками во змеином сале на пшеничном тесте и, испекши, послала их с девкою чернавкою. Оная принесла и, отдаючи, говорит: «Государь Бова-королевич, не моги от матери своей хлеба есть, отдай ты то псам». Бова принял хлебы, бросил, и как съели их псы, то разорвало псов от черного хлеба.</p>

Напомним, что в сборнике Кириши Данилова «сестра Чернава» упоминается в процитированной выше песне «[Про] дурня» рядом с «бабой-бабарихой», поэтому однозначно ответить на вопрос о происхождении имени Чернавка у Пушкина все-таки невозможно.

IV

По всей видимости, лубочные сказки привлекали Пушкина как находящийся вне литературной нормы и практически не освоенный русской литературой культурный страт. Именно с этим был связан интерес Пушкина к «Сказкам казака Луганского» Владимира Даля, который экспериментировал с тем же вариантом русского языка. В своих воспоминаниях о встрече с поэтом в Оренбурге Даль приводит его высказывание о языке сказки и вообще о русском литературном языке. «Сказка сказкой, — говорит Пушкин, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это делать. Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке» [Майков 1899: 418]. Т. е. лубочная сказка могла выступать посредником между русским литературным языком и фольклорной стихией. При этом лубочная сказка, как и вся лубочная литература, рассматривалась современниками как низкий вид словесности, и обращение к этим текстам могло восприниматься как признак дурного вкуса. Именно с этим, вероятно, связано крайне отрицательное отношение В. Г. Белинского к пушкинским сказкам, которые он назвал «неудачным опытом подделаться под русскую народность» [Белинский 1953: 347].

Литература

Азадовский 1936 — *М. К. Азадовский*. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР, Институт литературы. Вып. 1. М.–Л., 1936. С. 134–163.

Белинский 1953 — *В. Г. Белинский*. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Т. II. М., 1953.

Волков 1960 — *Р. М. Волков*. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки. Черновцы, 1960.

Гриц и др. 2001 — *Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин*. Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001.

Евсеев 1949 — *В. Я. Евсеев*. Карельские варианты пушкинских сказок // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. №3. Петрозаводск, 1949. С. 75–88.

Зуева 1976 — *Т. В. Зуева*. Сюжет «Чудесные дети» как типологическое фольклорное явление и самобытная сказка восточных славян // Проблемы преподавания и изучения русского устного народного творчества. Вып. 3. М., 1976. С. 45–66.

Капица 2012 — *Ф. С. Капица*. «Богатырская голова» в «Повести о Еруслане Лазаревиче»: происхождение образа // Вестник славянских культур. Вып. XXV. Т. 3. М., 2012. С. 58–63.

Кирша Данилов 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовка текста и комментарии А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путилова. М., 1977.

Клепиков 1949 — *С. А. Клепиков*. А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке: 1799–1949. М., 1949.

Корепова 2012 — *К. Е. Корепова*. Русская лубочная сказка. М., 2012.

Майков 1899 — *Л. Н. Майков*. Пушкин. СПб., 1899.

Плетнева 2013 — *А. А. Плетнева*. Лубочная библия: язык и текст. М., 2013.

Пушкин 1977–1979, I–X — *А. С. Пушкин*. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. I–X. Л., 1977–1979.

Пушкин 1994–1997, I–XVII — *А. С. Пушкин*. Полное собрание сочинений в 17 томах. Т. I–XVII. М., 1994–1997 (репринт издания 1937–1959 гг.).

Ровинский I–V — *Д. А. Ровинский*. Русские народные картинки. Т. I–V. СПб., 1881.

Сиповский 1906 — *В. В. Сиповский*. Руслан и Людмила // Пушкин и его современники. Вып. IV. СПб., 1906. С. 59–84.

Старая погудка 1795 — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителя оных, иждивением московского купца Ивана Иванова. Часть 1. М., 1795.

Хромов 1998 — *О. Р. Хромов*. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. М., 1998.

Alexandra A. Pletneva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

CHEAP POPULAR SOURCES OF PUSHKIN'S *TALE OF TSAR SALTAN*

The article deals with Russian sources of Pushkin's *Tale of Tsar Saltan*. The cheap popular *Tale of the Three King's Daughters, Full Sisters*, which was included in the printed collections of fairy tales titled *The Tale of Katerina-Saterima* is considered as one of the sources of the text. It is known that Pushkin was familiar with cheap popular print. Cheap popular prints are mentioned in some of his texts. Well known are cases of direct plot borrowings from cheap popular texts (the unfinished youth poem *Bova*, a number of plot moves in *Ruslan and Ludmila* etc.). But in the case of *The Tale of Tsar Saltan*, the question is not so much about the plot similarity, as about Pushkin's use of individual expressions and clichés, dating back to the cheap popular tale, that is, about direct borrowings. An important place is given to the analysis of these loans in the article. Apparently, Pushkin was attracted by cheap popular fairy tales, as they laid outside the literary norm and represented the formation of the layer of the Russian language, which was practically undeveloped by the literary tradition. The cheap popular tale turned out to mediate between the Russian literary language and the folk elements. At the same time, the cheap popular tale, like all cheap popular literature, was considered a low type of literature by the contemporaries, and an appeal to these texts could be perceived as a literary shocking. It is apparently with this that Belinsky's very negative attitude to fairy tales by Pushkin was connected.

Keywords: Pushkin studies, popular writing, cheap popular print, Russian literature of the 19th century.